

И.С. ГРИГОРЬЕВ

**ПОЛИТОЛОГИЯ СУДОВ: ПРЕДМЕТ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА**

К настоящему времени Judicial Politics (политология судов) превратилась в полноценную и довольно обширную отрасль политической науки. Политология изучает получение и осуществление власти. Поэтому суды могут интересовать политологов в той степени, в которой они участвуют в осуществлении или получении власти, и должны изучаться политологией в одном из этих качеств. Вместе с тем принято считать, что при демократии суды к этому имеют лишь опосредованное отношение. Такая «деполитизация» судов, вероятно, является следствием повсеместной нормативной убежденности в том, что эффективное осуществление правосудия требует независимости суда и его изоляции от внешних влияний.

Суды в авторитарных режимах, впрочем, также часто оказываются не слишком интересным объектом исследования. До самого последнего момента их, как правило, воспринимали как слишком зависимые от правительства и поэтому не очень интересные. Действительно, много ли шансов, изучая суды, прийти к сколько-то неожиданным выводам, если они «являются лишь орудием в руках правителя» [Ginsburg, Moustafa, 2008, p. 1]? В соответствии с этим предположением литературы о судах при авторитаризме еще меньше, чем о судах в условиях демократии.

Тем не менее по мере изучения судов и правоприменения становилось ясно, что тезис о «деполитизации» судов при демократии явно не соответствует реальности, что, собственно, и создало почву для становления политологии судов как самостоятель-

ной предметной области политической науки. А в последние годы возросло внимание к изучению судов и в авторитарных режимах. Это произошло, в частности, благодаря концептуальному осмыслению таких разновидностей автократий, как «электоральный» [Schedler, 2006] и «соревновательный» [Levitsky, Way, 2010] авторитаризмы. Специфика режимов, описываемых этими терминами, состоит в том, что они пытаются маскироваться под демократию, сохраняя некоторые демократические институты ради декорации, но ловко нарушая их работу. Например, в таком режиме проводятся выборы, однако на свободу собраний и свободу слова налагаются серьезные ограничения, а правительство прибегает к всевозможным нечестным электоральным практикам, тем самым лишая выборы их подлинного смысла [Golosov, 2011, p. 623]. При этом, несмотря на некоторую декоративность, этот демократический фасад все-таки исполняет важные для режима функции, и правительству удается успешно использовать существующие институты (в том числе суды) для сохранения и укрепления собственной власти. Именно это свойство делает суды в «новом» авторитаризме интересным объектом исследования и порождает обширную исследовательскую программу изучения судов в авторитарных режимах.

В данной статье предлагается развернутый обзор политологической литературы о судах в авторитарных и демократических режимах. Он преследует две задачи. *Первая* состоит в том, чтобы сформулировать предмет политологии судов и понять, что на деле привлекает политологов в изучении судов. *Вторая задача* – представить своеобразную генеалогию этой области политической науки. Основная польза такой генеалогии состоит в том, чтобы разглядеть родственные связи, хотя это и потребует достаточно подробного рассказа о наиболее близких «родственниках». Это позволит нам нарисовать условную карту политологии судов в целом и увидеть на ней некоторые важные закономерности, которые в дальнейшем помогут более ясно представить, какой должна быть программа эмпирического политического исследования судов в авторитаризме.

Американские истоки политологии судов

Как и политология в целом, политология судов довольно долго была преимущественно американским явлением и занима-

лась исключительно американскими судами. Первым американским политологом, исследовавшим суды, был Си Херман Притчетт. Он же на правах первопроходца заложил ключевой тренд политологии американских судов, а именно изучение поведения отдельных судей. В терминах предмета политологии мы могли бы сказать, что с подачи Притчетта американская политология занимается почти исключительно тем, как суды осуществляют власть.

Притчетт был выходцем из Чикагской школы, т.е. учился у Чарльза Мирриама и Гарольда Лассуэлла. Он защитился в 1937 г., а основные свои работы опубликовал уже в 1940-е годы. Объектом его исследования был Верховный суд США, а точнее, записи голосований девяти его членов, по которым Притчетт устанавливал, как часто отдельные судьи голосуют одинаково и складываются ли таким образом из них группы единомышленников [см., например: Pritchett, 1941].

Работа Притчетта была новаторской в двух аспектах. Во-первых, он изобрел новый метод сбора и анализа данных – метод блокового анализа (*bloc*, или *box-score analysis*) – и активно использовал его в своих работах 1940-х годов. В частности, на нем строится первое серьезное исследование американского Верховного суда – «The Roosevelt Court» [Pritchett, 1948]. Метод состоял в том, чтобы собрать данные обо всех случаях, когда кто-либо из судей голосовал против решения, принимаемого Верховным судом (заявляя, таким образом, особое мнение), и после этого составить таблицу, где для каждой пары судей указывалась доля случаев, когда они голосовали одинаково – либо в поддержку принимаемого судом решения, либо заявляя особое мнение. Получаемая таблица похожа на график футбольного чемпионата с результатами матчей и представляет собой графический дисплей, по которому легко установить наличие блоков судей, часто голосующих одинаково (эти блоки «вырисовываются» вокруг высоких показателей согласия, когда мы видим «островки» значений выше определенного порогового показателя – например, выше 80%).

Блоковый анализ является довольно грубым и несовершенным методом. Впрочем, его оказалось достаточно для доказательства того, что поведение судей определяется не легалистской логикой точного толкования закона, а их ценностями и личными убеждениями, и в этом состояла вторая заслуга Притчетта. Прит-

четт стал основателем так называемой *аттитюдной теории* судебного поведения. До возникновения аттитюдной теории доминирующим был легалистский подход, который утверждал, что, принимая решения по судебным искам, судьи руководствуются исключительно заботой о том, чтобы как можно точнее трактовать закон. Если бы это действительно было так, суды были бы интересны для политологии только в тех исключительных случаях, когда судьи по каким-то причинам отклонялись от правила и действовали не по закону. Только в этих случаях можно было бы сказать, что это судьи осуществляют власть, а не легислатура, написавшая законы, по которым судьи судят. Не будет преувеличением сказать, что аттитюдная теория «открыла» суды как объект исследования для современной политологии. Не удивительно, что в благодарность за такое полезное открытие Американская политологическая ассоциация назвала свою ежегодную награду за лучшую книгу по политологии судов именем Притчетта.

Дальнейшее развитие американской политологии судов и, в частности, аттитюдного подхода связано исключительно с совершенствованием методов и расширением эмпирической базы. Так, на смену блоковому анализу пришла шкалограмма Гуттмана, в простейшем виде представляющая собой сводную таблицу раскладов голосования членов Верховного суда по всем делам сходной тематики. Этот метод был заимствован из социологии и статистики в середине 1950-х годов и в политологии судов был популяризован энтузиастом количественных методов Глендоном Шубертом [Schubert, 1959].

Шуберт предлагал отбирать из общего массива решений Верховного суда те, что относятся к определенному вопросу, и записывать голосования судей по этим делам в таблицу, где каждый столбик отводится отдельному судье, а каждая строчка – отдельному делу. После этого, меняя местами строчки и столбцы, теоретически можно добиться того, чтобы таблица приняла такой вид, когда все случаи голосования судьями за вынесение определенного вердикта оказываются в одной части таблицы (как правило, ниже или выше некой воображаемой диагональной линии, проходящей через таблицу), а все голосования против – в другой. Соответственно, таблица, в которой записи голосований распадаются на две «чистые» группы, может восприниматься как свидетельство того, что среди

судей есть те, кто придерживается крайних позиций по данному вопросу, а есть те, кто менее радикален и готов поддерживать определенную позицию только до какого-то предела. Таким образом, голосования судей последовательно отражают степень их идеологической убежденности.

Понятно, что в том виде, в котором этот метод использовался Шубертом, он является скорее эффективным графическим дисплеем, чем способом анализа данных. Поэтому в подтверждение выкладки шкалограммы, как правило, использовался довольно плотный анализ дополнительных источников о поведении судей и мотивации такого поведения. В дальнейшем из этого метода вырос современный анализ голосований судей, который позволяет учесть, что каждый отдельный судебный вердикт отвечает сразу на несколько вопросов и, следовательно, оценивается судьями не в одном, а в нескольких измерениях.

Развитие методологии позволило снять ограничение на количество наблюдений, принимаемых к анализу (в шкалограммном анализе естественным ограничителем было то, что исследователю приходилось подбирать судебные решения, лежащие в одном «измерении», т.е. относящиеся к одному вопросу), и современные работы аттитудиналистов в основном выглядят как развернутый комментарий к статистическому анализу гигантских баз данных по судебным голосованиям в Верховном суде (первой такой книгой был учебник Роде и Спейта [Rohde, Spaeth, 1976]). Чем обширнее база данных и вьедливей математика, тем более убедительным выглядит аргумент, что поведение судей обусловлено их взглядами.

У аттитудного подхода, однако, есть два серьезных недостатка, устранить которые удалось далеко не сразу. Во-первых, показать, что голосования судей определяются именно их идеологиями, можно только если данные о том, какие у отдельных судей идеологии, операционализируются из какого-то другого источника. Но поскольку для этого использовались записи судебных голосований, зависимость, которую пытались установить исследователи, оказывалась тавтологичной. Эта проблема была решена Джеффри Сигалом и Альбертом Кавером в 1989 г. Сигал и Кавер собрали данные об идеологиях судей посредством контент-анализа статей, которые судьи писали в газеты и журналы, и на основании этих новых данных подтвердили тезис аттитудного подхода о том, что

важнейшим предиктором судейского голосования является идеология судей [Segal, Cover, 1989].

Вторая проблема аттитюдного подхода состоит в том, что, доказывая собственные тезисы, ему не удастся опровергнуть легалистскую теорию, во всяком случае, для такого опровержения нужен специальный тест. Такой тест был придуман Джеффри Сигалом и Гарольдом Спейтом в 1995 г. и состоял в том, чтобы проанализировать, насколько судьи Верховного суда следуют прецедентам. Американское право – прецедентное, поэтому уважение к прецеденту является хорошим показателем того, что судья уделяет должное внимание закону. Соответственно, основная хитрость такого исследования состоит в том, чтобы суметь отличить ситуацию, когда судья следует прецеденту, хотя повел бы себя точно так же, даже если бы прецедента не существовало (потому что таковы его убеждения), от ситуации, когда прецедент действительно определяет поведение судьи, заставляя его из уважения к закону поддерживать позицию, противоречащую его идеологии. Сигал и Спейт заметили, что такие ситуации возникают, в частности, когда в суд приходит иск по вопросу, в создании прецедента по которому данный судья ранее участвовал, голосуя при этом против решения большинства. Анализируя такие ситуации, Сигал и Спейт пришли к выводу о том, что когда судья уже однажды имел возможность высказаться против прецедента, он почти никогда не пересматривает свою позицию в дальнейшем и остается верен своим убеждениям, даже если они вступают в противоречие с прецедентом [Segal, Spaeth, 1996].

К середине 1990-х годов, когда обе эти проблемы были решены, выяснилось, что аттитюдный подход целиком выработал свою повестку. Впрочем, как отмечает комментатор, «уже до того, как статья о прецеденте воткнула очередное копьё в легалистскую модель, было сложно найти политолога, занимающегося Верховным судом, который бы не думал, что идеологии и убеждения судей являются наиболее важной переменной, влияющей на решения суда» [Brisbin, 1996, p. 1010]. В завершение рассказа об аттитюдном подходе остается только заметить, что приверженность этому подходу настолько синонимична исследованию американского Верховного суда, что наиболее авторитетный учебник по полито-

логии Верховного суда так и называется: «Верховный суд и аттитюдная модель» [Segal, Spaeth, 2002].

Когда стало ясно, что тезис о влиянии идеологий и убеждений судей на их поведение доказан окончательно, на первый план стал выдвигаться так называемый *стратегический подход*, который задается вопросом о том, как судьи добиваются того, чтобы решения Верховного суда соответствовали их предпочтениям. В отличие от аттитюдного, стратегический подход работает на микроуровне и более активно использует качественную методологию сбора данных. Вместо обобщения больших массивов данных о голосовании судей здесь подробно изучается процесс принятия отдельных судебных решений, анализируются специфические данные о поведении судей. Так, самое известное исследование, проведенное в рамках стратегического подхода, – «Choices Justices Make» Ли Эпштейн и Джека Найта – сделано на материале личных записей судей, протоколов промежуточных заседаний, проектов решений Верховного суда, поправок, которые к этим проектам вносили судьи, их переписки и прочих деталей судейской рутины, которая прежде оставалась незамеченной [Epstein, Knight, 1998].

Стратегический подход выдвигает и проверяет достаточно узкие гипотезы о том, как ведут себя судьи. Так, например, предтеча стратегического подхода Уолтер Мерфи высказал в свое время предположение о том, что председатель суда может использовать свою прерогативу назначения судьи-докладчика *стратегически*. В случаях, когда он боится оказаться в меньшинстве, он отдает досье «наиболее умеренному из судей», рассчитывая таким образом повысить шансы формирования более широкой коалиции судей, которая учтет его мнение [Murphy, 1964, p. 84]. Теодор Аррингтон и Сол Бреннер проверили это предположение и показали, что оно верно [Arrington, Brenner, 2008].

Переход от аттитюдного к стратегическому подходу в чем-то аналогичен переходу от бихевиоризма к новому институционализму. На эту аналогию указывают и сами авторы стратегического подхода, приглашающие других исследователей более активно использовать достижения позитивной политической теории [Epstein, Knight, 1998, p. xii–xiii] и нового институционализма [Gillman, Clayton, 1999] и называющие представителей аттитюдного подхода бихевиористами [Gillman, 2001]. Если эта аналогия верна, то приход

нового институционализма и теории рационального выбора в изучение судов следует признать довольно запоздалым.

Политология неамериканских судов и юридизация

Примерно так же, с опозданием, случилось и «открытие» политологией неамериканских судов. К началу 1990-х годов было проведено всего два серьезных политологических исследования конституционных судов в Европе: в 1976 г. вышла книга Дональда Коммерса «Судебная политика в Западной Германии» [Kommers, 1976], а в 1992 г. была опубликована диссертация Алека Стоун Суита «Рождение судебной политики во Франции» [Stone Sweet, 1992]. В обоих случаях исследователи шли по очень горячим следам: в момент публикации книги Коммерса немецкому Федеральному конституционному суду было всего 25 лет, хотя это и были самые бурные годы в его истории; французский Конституционный совет, в свою очередь – несмотря на то, что возник сразу после принятия конституции Пятой республики в 1958 г., – как следует развернулся только к началу 1970-х, т.е. Стоун Суит разве что не исследовал его методом включенного наблюдения, когда писал свою диссертацию.

Причина запоздалого обращения политологов к неамериканским судам состоит в специфике их судопроизводства. В Европе повсеместно распространена норма тайны судебного совещания, поэтому записей голосования судей не ведется. А именно такие записи являются основным эмпирическим материалом при исследовании американских судов. Поэтому тот путь, по которому энергично шла в изучении судов американская политология, не мог быть легко перенесен на чужую почву. Тем не менее в 1990-х годах произошел взрыв интереса к неамериканским конституционным судам, связанный с возникновением парадигмы юридизации. Он был подготовлен публикацией в 1992 г. сборника [Judicial politics and policy-making in Western Europe, 1992], содержащего обзорные статьи о европейских судах, однако подлинной вехой в развитии дисциплины стал выход в 1994 г. специального выпуска журнала «International Political Science Review»: европейцы открыли, что их суды также занимаются политикой, и что для понимания происходящего в судах простого правового анализа недостаточно.

Под юридизацией понимается более активное участие судов в политике и обращение политиков к правовым средствам достижения политических целей [Vallinder, 1994, p. 91]. Юридизация считается новым явлением, и потому наиболее осмысленные исследования юридизации отвечают на общий вопрос о том, почему она происходит, какие общественные силы подталкивают ее, какие факторы ей способствуют [Epp, 1998; Hirschl, 2000], а не о том, какую роль начинают играть судьи после того, как это случилось. Юридизация, однако, также может рассматриваться как процесс приобретения судьями дополнительной власти. При этом воображение рисует хитроумного судью, заранее продумавшего план собственного усиления и постепенно претворяющего этот план в жизнь. Конечно же, такой образ не может не будоражить, и часто литература о юридизации не просто описывает сам этот процесс в одной стране [см., например: Volcansek, 2000], но и акцентирует внимание на том, что проводниками юридизации являются стратегически мыслящие судьи. Исследований такого рода очень много, и благодаря им основной вклад концепции юридизации в политологию, судя по всему, будет состоять в описании целого ряда новых случаев, до которых иначе не дошли бы руки.

Юридизация также подстегнула споры о том, какое место суды занимают в разделении властей и насколько они независимы от органов исполнительной власти и legislatures. На американском материале этот вопрос превратился в вопрос о мотивации судебного поведения и о том, учитывают ли судьи позицию legislatures, вынося тот или иной вердикт. Фактически ответ на этот вопрос предполагал включение в attitudinal модель фактора заинтересованности правительства или Конгресса в определенном исходе судебного процесса. С начала 1990-х годов было предложено и протестировано несколько таких формальных моделей. В итоге свое авторитетное заключение вынес Джеффри Сигал, проверивший различные модели и пришедший к выводу о том, что судьи Верховного суда всегда голосуют «искренне» и нестратегически, т.е. выражая свои предпочтения непосредственно и без учета позиции Конгресса [Segal, 1997. – В этой статье также приводится обзор всей предшествующей дискуссии].

Подобные дискуссии ведутся и в европейских исследованиях, где ставится вопрос о том, учитывает ли Суд Европейского союза

позиции национальных правительств, когда выносит свои решения. Для изучения европейской интеграции эти дискуссии имеют особое значение, так как являются частью более широкого спора о том, удалось ли в рамках Евросоюза создать независимые политические институты, продвигающие интеграцию вопреки воле стран-членов, или же на самом деле интеграция является результатом сознательного выбора правительств, которые транслируют свои предпочтения через наднациональные институты (и, в том числе, через решения Европейского суда). В терминах теории европейской интеграции этот спор называется спором между неофункционалистами и сторонниками межправительственного подхода, но в более широком плане, безусловно, речь в нем идет о разделении властей.

На первом этапе аргументация в данном споре велась преимущественно через отсылки к отдельным судебным решениям и их трактовку [Garrett, Weingast, 1993; Alter, Meunier-Aitsahalia, 1994]. Соответственно, помимо того, чтобы убедительно обосновать свою позицию, каждая из сторон должна была умело подобрать те судебные решения, к которым она апеллировала. Разумеется, никаких положительных результатов такой обмен мнениями не принес. Первой успешной попыткой предложить сколько-то строгий анализ данных стала статья Джеффри Гарретта с соавторами, для которой был отобран и закодирован достаточно большой набор судебных решений, и из которой следовало, что суд все-таки задумывается о позициях правительств, когда существует угроза неисполнения его решений или их законодательного пересмотра [Garrett, Kelemen, Schulz, 1998]. Окончательно тема была закрыта Клиффордом Каррубой и его соавторами в 2008 г., когда подобный тест был проведен на специально собранной для этого базе данных, и тезис Гарретта подтвердился [Carrubba, Gabel, Hankla, 2008].

Судя по всему, аналогичные тесты можно было бы провести для судов в других странах. Единственным ограничителем данного метода является то, что он требует достаточно больших объемов данных, а конституционные суды, как правило, выносят мало решений (американский Верховный суд и Суд Европейского союза в этом плане оказываются исключениями, так как являются судами высшей инстанции и одновременно рассматривают вопросы конституционного правосудия). Подобный анализ, впрочем, прово-

дился на материале решений немецкого Конституционного суда, и для того чтобы построить рабочую модель, потребовалось всего около 250 случаев [Vanberg, 2001].

Политология судов в авторитарных режимах

О судах в авторитарных режимах написано всего около десятка книг и два десятка статей. Связано это с тем, что долгое время они рассматривались как функция от предпочтений правительства. Еще изобретатель конституционного суда Ганс Кельзен в свое время подметил, что ничего доброго для конституционного правосудия авторитарные (или «полуфашистские», как он сам выразился) режимы не несут [Kelsen, 1942, p. 183], и эта позиция оставалась неизменной вплоть до середины 1990-х годов, когда Нил Тейт выразил ее в новых терминах, сказав, что в авторитаризме не может быть юридикации [Tate, 1995, p. 28].

Тем не менее отдельные попытки изучать суды в авторитаризме предпринимались и в тот период. Так, в 1975 г. Хосе Тохариа написал статью, в которой показывал, что испанские суды при Франко сохраняли вполне достойный уровень независимости и как-то умудрялись при этом уживаться с автократом [Toharia, 1975]. А в 1993 г. тот же Нил Тейт, который всего два года спустя отказал авторитарным режимам в возможности юридикации, показал, что с ростом консолидированности режима (авторитарного или демократического) суды начинают лучше работать [Tate, Haynie, 1993].

Интерес к проблеме судов в авторитаризме стихийно вспыхнул только в самом конце 1990-х годов. Отчасти это было связано с развитием политологии судов как таковой. Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, собственно интерес к судам вне Соединенных Штатов проснулся только к началу 1990-х годов, а эта стадия логически предшествует переходу к изучению судов в авторитарных режимах, которые являются объектом, типологически еще более удаленным от привычного Верховного суда. Кроме того, очевидное влияние оказали процессы демократизации. Кое-где создание конституционных судов непосредственно предшествовало смене режима, т.е. история предоставила ученым своеобразные «лаборатории», в которых они впервые смогли хотя бы помыслить

одновременное, пусть и недолгое существование независимого конституционного суда и авторитарной власти.

Соответственно, первые исследования судов в авторитаризме были сделаны именно в этих «лабораториях». Так, Педру Магалаеш на материале нескольких стран Восточной Европы показал, что создание конституционных судов в момент перехода, как правило, бывает вызвано именно заботой уходящего автократа о собственной безопасности при новой власти [Magalhães, 1999, p. 47–48]. В дальнейшем это объяснение было развито Томом Гинзбургом, который подтвердил, что создание независимых судов в преддверии демократизации является для инкумбента «страховкой от рисков», связанных с возможной потерей власти [Ginsburg, 2003, p. 23–30].

Интересную вариацию на эту же тему предложила Беатрис Магалони, которая на примере Мексики показала, что независимый суд может использоваться авторитарным лидером не для обеспечения собственной безопасности после демократизации, а для поддержания дисциплины в правящем классе в ситуации, когда сам лидер уже не способен такую дисциплину обеспечивать, но власть сдавать не собирается [Magaloni, 2008, p. 182, 204–205]. Объяснение Магалони выглядит более «авторитарным» и «долгоиграющим», так как в нем диктатор хотя бы не боится прихода демократов (а скорее боится, что его подсилят соратники). Впрочем, даже в Мексике описанная судебная реформа была проведена в 1994 г., т.е. непосредственно накануне перехода к демократии.

Основным ограничением работы в таких «лабораториях» является то, что полученное в итоге знание – довольно специальное: оно объясняет динамику во взаимоотношениях между режимом и судами только когда режим сдает позиции, а период этот обычно не очень долгий. Между тем интереснее было бы узнать, зачем независимые суды могут быть нужны автократу в периоды, не омраченные сомнениями в лояльности соратников или боязнью демократической революции. Ответ на этот вопрос был предложен Тамиром Мустафой на материале Египта [Moustafa, 2007] и состоит в том, что независимые суды могут служить гарантией соблюдения прав собственности для потенциальных инвесторов.

Так, после правления Насера Египет переживал экономический кризис, связанный с тем, что активная национализация распугала инвесторов и вызвала мощный отток капитала из страны. Са-

дат, пришедший к власти в начале 1970-х годов, попытался устранить эту проблему, пообещав инвесторам, что национализаций больше не будет. Но Садату не поверили, и он был вынужден вернуть судам независимость и создать Верховный конституционный суд – орган, призванный пересматривать законы парламента, если они противоречат конституции (в данном случае, очевидно, имелись в виду конкретно законы о национализации) [Moustafa, 2007, p. 3–5].

Мустафа отмечает, что египетский Верховный конституционный суд стал каналом оппозиционного политического активизма, то и дело выступая в своей юриспруденции против правительства и не позволяя ему запрещать негодные режиму партии [Moustafa, 2007, p. 149–151]. Иными словами, суд постоянно создавал режиму проблемы, но режим был вынужден с этим мириться. Таким образом, Мустафа в своей работе делает важный переход от вопроса о том, почему авторитарный режим открыл конституционный суд, к вопросу о том, почему режим его не закрыл.

Теоретически можно предложить и другой ответ на этот вопрос: режим и суд могут мирно сосуществовать не в связи с уступками со стороны режима, как это было в случае Египта, а в связи с уступками со стороны суда. Как раз такое объяснение через поведение суда предлагает в своем исследовании чилийских судов при Пиночете Лиза Хилбинк [Hilbink, 2007]. Отвечая на вопрос о том, почему чилийские суды в 1972 г. выступили на стороне хунты, Хилбинк выдвигает и тестирует несколько гипотез. Во-первых, это базовая *теория влияния режима*, которая состоит в том, что авторитарный режим репрессивен в отношении судей и стимулирует их сотрудничать с властями. Во-вторых, это *аттитюдный подход*, приложение которого к изучаемой ситуации состоит в том, что, возможно, чилийские судьи сочувствовали хунте и не следили за ситуацией с правами человека, потому что придерживались правой, консервативной идеологии. В-третьих, это *классовая теория*, согласно которой судьи сочувствовали Пиночету, потому что принадлежали к высшему классу и были заинтересованы в том, чтобы подавлять политическую активность низшего класса. В-четвертых, это *легалистское объяснение*, которое утверждает, что если судьи – легалисты, то для них важнее буква закона, которая обыкновенно бывает консервативнее его духа. В-пятых, *институциональное*

объяснение, состоящее в том, что сама чилийская судебная система была устроена таким образом, чтобы без вмешательства извне (посредством увольнений и дисциплинарных санкций) подавлять всякое отклонение от линии Верховного суда, и в то же время предполагала такую структуру карьерного роста, в которой в члены Верховного суда пробивались только покладистые и аполитичные судьи, строго следящие за субординацией.

Для проверки этих гипотез Хилбинк излагает историю чилийских судов с колониальных времен и до наших дней, фокусируясь на поведении судов при демократическом правительстве (1964–1973), при хунте (1973–1990) и снова при демократии (1990–2000). Соответственно, анализируя период до 1964 г., Хилбинк в основном обращает внимание на правительственные реформы и на эволюцию взглядов чилийских правоведов, чтобы продемонстрировать, какой была организационная структура судебной власти в Чили к началу 1960-х годов и какими были идеологии судей. Экскурс в историю позволяет показать, что чилийская система со временем стала автономной и централизованной: система стимулов для судей на всех уровнях была выстроена так, чтобы поощрять подчинение Верховному суду. В то же время возобладала легалистская идеология, в центре которой, ко всему прочему, находилось стремление к аполитичности, под которой понималась не столько деидеологизация правосудия, сколько консерватизм. Исторический анализ более или менее подтверждает все гипотезы, кроме классовой, которую Хилбинк отвергает, анализируя социальный статус чилийских судей и показывая, что судьями в основном становились представители низшего среднего класса.

Анализ поведения судов после 1964 г. является фактически дополнительным тестом для проверки гипотез и позволяет отказаться от объяснения через влияние режима: режим между 1964 и 2000 гг. сменился дважды, а судьи все это время вели себя примерно одинаково. Для подтверждения того, что режим не принуждал судей к сотрудничеству, Хилбинк проводит множество полуструктурированных интервью с самими судьями, которые также говорят, что давления на них не осуществлялось.

Посредством интервью и анализа судебных решений Хилбинк устанавливает, что чилийские судьи действительно были легалистами, хотя и отмечает, что местами картина была довольно

смешанной, и также приходит к выводу о том, что идейных сторонников Пиночета в судебном корпусе было не так уж много. Зато изучение поведения судов при хунте приводит ее к выводу о том, что действительно мощным фактором, стимулировавшим судей к тому, чтобы не выступать против политики Пиночета, была сама структура судебной власти. Таким образом, к концу работы целиком подтверждается институциональная гипотеза, и отчасти – легалистская и аттитюдная.

Работы Хилбинк и Мустафы являются на сегодняшний день наиболее важными в плане исследования судов при авторитаризме. Отвечая на многие вопросы, они, однако, отнюдь не закрывают тему. Очевидно, что необходимо двигаться от изучения отдельных случаев к сравнительным исследованиям. Кроме того, пока что (за исключением работы Хилбинк) основное внимание уделяется изучению политики авторитарных правительств в отношении судов, а не самим судам, в то время как политология судов в демократических странах, наоборот, в основном исследует суды и их политику. Возможно, изучение судов в гибридных режимах потребует уделять большее внимание судам как независимым игрокам.

Литература

- Alter K., Meunier-Aitsahalia S.* Judicial politics in the European community // Comparative political studies. – Los Angeles, 1994. – Vol. 26. – P. 535–561.
- Arrington T., Brenner S.* Testing Murphy's strategic model // American politics research. – L.A., 2008. – Vol. 36. – P. 416–432.
- Brisbin R.* Slaying the dragon: Segal, spaeth and the function of law in Supreme Court decision making // American journal of political science. – New Jersey, 1996. – Vol. 40. – P. 1004–1017.
- Carrubba C., Gabel M., Hankla C.* Judicial behavior under political constraints: Evidence from the European Court of Justice // American political science review. – Wanington, D.C., 2008. – Vol. 102. – P. 435–452.
- Epp C.* The rights revolution: Lawyers, activists, and Supreme Courts in comparative perspective. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1998. – 342 p.
- Epstein L., Knight J.* The choices justices make. – Wanington, D.C.: CQ Press, 1998. – 186 p.

- Garrett G., Weingast B.* Ideas, interests and institutions: Constructing the EC's internal market // Ideas and foreign policy / J. Goldstein, R. Keohane (eds.). – Ithaca: Cornell univ. press, 1993. – P. 173–206.
- Garrett G., Kelemen D., Schulz H.* The European Court of Justice, national governments, and legal integration in the European Union // International organization. – Cambridge, 1998. – Vol. 52. – P. 149–176.
- Gillman H.* What's law got to do with It? Judicial behavioralists test the 'legal model' of judicial decision making // Law & social inquiry. – New Jersey, 2001. – Vol. 26. – P. 465–504.
- Gillman H., Clayton C.* Beyond judicial attitudes: Institutional approaches to Supreme Court decision-making // Supreme Court decision-making: New institutionalist approaches / H. Gillman, C. Clayton (eds.) – Chicago: Univ. of Chicago press, 1999. – P. 1–14.
- Ginsburg T.* Judicial review in new democracies: Constitutional courts in Asian cases. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2003. – 310 p.
- Ginsburg T., Moustafa T.* Introduction: The functions of courts in authoritarian politics // Rule by law: The politics of courts in authoritarian regimes / T. Moustafa, T. Ginsburg (eds.) – Cambridge univ. press, 2008. – P. 1–22.
- Golosov G.* The regional roots of electoral authoritarianism in Russia // Europe-Asia studies. – Oxford: Routledge, 2011. – Vol. 63. – P. 623–639.
- Hilbink L.* Judges beyond politics in democracy and dictatorship: Lessons from Chile. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – 316 p.
- Hirschl R.* The political origins of judicial empowerment through constitutionalization: Lessons from four constitutional revolutions // Law & social inquiry. – New Jersey, 2000. – Vol. 25. – P. 91–149.
- Judicial politics and policy-making in Western Europe / M. Volcansek (ed.) – L.: Frank Cass, 1992. – 158 p.
- Kelsen H.* Judicial review of legislation: A comparative study of the Austrian and the American constitution // The journal of politics. – Cambridge MA, 1942. – Vol. 4. – P. 183–200.
- Kommers D.* Judicial politics in West Germany: A study of the Federal Constitutional Court. – Beverly Hills: Sage Publications, 1976. – 312 p.
- Levitsky S., Way L.* Competitive authoritarianism: Hybrid regimes after the Cold war. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2010. – 512 p.
- Magalhães P.* The politics of judicial reform in Eastern Europe // Comparative politics. – N.Y., 1999. – Vol. 32. – P. 43–62.

- Magaloni B.* Enforcing the autocratic political order and the role of courts: The case of Mexico // Rule by law: The politics of courts in authoritarian regimes / T. Ginsburg, T. Moustafa (eds.). – N.Y.: Cambridge univ. press, 2008. – P. 180–206.
- Moustafa T.* The struggle for constitutional power: Law, politics, and economic development in Egypt. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2007. – 340 p.
- Murphy W.* Elements of judicial strategy. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1964. – 264 p.
- Pritchett C.* Divisions of Opinion among justices of the US Supreme Court, 1939–1941 // The American political science review – Wanington, D.C., 1941. – Vol. 35. – P. 890–898.
- Pritchett C.* The Roosevelt court: A study in judicial politics and values. – N.Y.: Macmillan, 1948. – 314 p.
- Rohde D., Spaeth H.* Supreme Court decision making. – San Francisco: W.H. Freeman and Co., 1976. – 229 p.
- Schedler A.* Electoral authoritarianism: The dynamics of unfree competition. – Boulder: Lynne Rienner, 2006. – 267 p.
- Schubert G.* Quantitative analysis of judicial behavior. – Glencoe: Free Press, 1959. – 392 p.
- Segal J.* Separation-of-powers games in the positive theory of Congress and courts // The American political science review. – Wanington, D.C., 1997. – Vol. 91. – P. 28–44.
- Segal J., Cover A.* Ideological Values and the Votes of U.S. Supreme Court Justices // The American Political Science Review. – Wanington, D.C., 1989. – Vol. 83. – P. 557–565.
- Segal J., Spaeth H.* The influence of stare decisis on the votes of United States Supreme Court justices // American journal of political science. – New Jersey, 1996. – Vol. 40. – P. 971–1003.
- Segal J., Spaeth H.* The Supreme Court and the attitudinal model revisited. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2002. – 480 p.
- Stone Sweet A.* The birth of judicial politics in France: The constitutional council in comparative perspective. – Oxford: Oxford univ. press, 1992. – 320 p.
- Tate C.* Why the expansion of judicial power? // The global expansion of judicial power / C. Tate, T. Vallinder (eds.). – N.Y.: New York univ. press, 1995. – P. 27–37.
- Tate C., Haynie S.* Authoritarianism and the functions of courts: A time series analysis of the Philippine Supreme Court, 1961–1987 // Law & society review. – New Jersey, 1993. – Vol. 27. – P. 707–740.
- Toharia J.* Judicial independence in an authoritarian regime: The case of contemporary Spain // Law & society review. – New Jersey, 1975. – Vol. 9. – P. 475–496.

- Vallinder T.* The judicialization of politics – A world-wide phenomenon: Introduction // International political science review. – L.A., 1994. – Vol. 15. – P. 91–99.
- Vanberg G.* Legislative-judicial relations: A game-theoretic approach to constitutional review // American journal of political science. – New Jersey, 2001. – Vol. 45. – P. 346–361.
- Volcansek M.* Constitutional politics in Italy: The Constitutional Court. – Houndmills: Macmillan Press, 2000. – 195 p.